

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

МАСНЕВА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 5952/07)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

20 декабря 2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано

По делу «Маснева против Украины»,
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая в составе:

Dean Spielmann, *Председатель*,
Elisabet Fura,
Karel Jungwiert,
Mark Villiger,
Ann Power-Forde,
Ganna Yudkivska,
André Potocki, *судьи*,

и Claudia Westerdiek, *Секретарь секции*,

Рассмотрев дело в закрытом заседании 29 ноября 2011 года,
Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№39488/07) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой Украины г-жой Лесей Ульяновной Масневой (далее – «заявительница») 20 января 2007 года.

2. Заявительницу представлял г-н В. Елов, адвокат, практикующий в Луцке. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный г-н Юрий Зайцев.

3. Заявительница утверждала, что эффективное расследование обстоятельств смерти ее сына не было проведено, что эта ситуация была унижительной и причинила ей психологические страдания.

4. 5 октября 2009 года Председатель Пятой секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Суд также постановил изучить приемлемость заявления одновременно с его рассмотрением по существу (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1943 году и проживает в Луцке.

А. Обстоятельства смерти сына заявительницы

6. В октябре 2003 года единственный сын заявительницы, Олег Маснев (далее – г-н Маснев), который работал в Волынском областном управлении милиции (далее – «Управление милиции»), был временно переведен в городское отделение милиции г. Ковеля, подчиненное Управлению милиции. В то время он был старшим оперуполномоченным в звании майора. По словам заявительницы, это назначение было связано с расследованием коррупции в ковельской милиции. По данным Правительства, в обязанности г-на Маснева входила установка устройств для прослушивания телефонных разговоров.

7. 9 октября 2003 года он прибыл в Ковель и приступил к работе в кабинете 505 с ограниченным доступом в отделении милиции. Первоначально он делил кабинет с сотрудником милиции Б. Было договорено, что один из сотрудников, дежурящих в кабинете, должен звонить в отдел по борьбе с организованной преступностью г. Ковеля (далее – «Отдел») ежедневно около 9 часов утра. 15 октября 2003 Б. был переведен на другую должность и уехал из Ковеля.

8. В ожидаемое время 17 октября 2003 года г-н Маснев не позвонил в Отдел, и в последний раз его видел один из сотрудников Отдела около 13:30 16 октября 2003 года. Так как дверь была заперта, и никто не ответил изнутри, начальник отделения милиции приказал взломать дверь кабинета 505. Примерно в 14:45 дверь взломали и обнаружили труп г-на Маснева. В тот же день место происшествия было осмотрено следователем ковельской прокуратуры, который описал в своем отчете тело и его положение, а также находящиеся в кабинете предметы, включая нож, покрытый коричневатым веществом, три чашки, две пустых бутылки от алкогольных напитков и окурки. Следователь также сфотографировал место происшествия, снял отпечатки пальцев, взял образцы коричневатого вещества и забрал из кабинета несколько предметов, в том числе нож. Согласно отчету, следы коричневатого вещества были обнаружены в разных частях комнаты, дверь и дверной замок не были повреждены, и не наблюдалось никаких повреждений мебели или оборудования в помещении. Следователь также отдал распоряжение о вскрытии тела.

9. На следующий день судебно-медицинский эксперт провел вскрытие тела г-на Маснева и обнаружил, в частности, порез на его левом предплечье и несколько ссадин на лбу. Эксперт пришел к выводу, что господин Маснев умер от кровотечения, вызванного раной на руке; что рану он мог нанести себе сам; что после ранения он в течение некоторого времени мог передвигаться; что ссадины на лбу не являлись серьезными травмами и были нанесены еще при его жизни; и

что невозможно установить, были ли ссадины на лбу получены до раны на предплечье.

10. 23 октября 2003 года эксперт отделения милиции изучил отпечатки пальцев, снятые в кабинете, и пришел к выводу, что несколько отпечатков принадлежат г-ну Масневу, несколько других невозможно идентифицировать, а два не принадлежат г-ну Масневу.

11. Два анализа образцов крови г-на Маснева, проведенные в ноябре 2003 года, не показали присутствия алкоголя или наркотиков.

12. Дополнительное медицинское обследование его тела, назначенное 23 января 2004 года и завершенное 11 февраля 2004 года, не исключило возможности того, что г-н Маснев нанес рану самому себе.

13. Исследование ножа, назначенное 8 августа 2008 года и завершенное 10 октября 2008 года, показало, что кровь на ноже могла принадлежать г-ну Масневу.

14. Посмертная психолого-психиатрическая экспертиза, назначенная 29 сентября 2008 года и завершенная 20 марта 2009 года, установила, что в 2000 году П., коллега г-на Маснева, ранил его в ногу ножом, и что г-ну Масневу пришлось вызвать скорую помощь, но никакого расследования проведено не было. В июне 2001 года начальник г-на Маснева был вынужден направить его к психиатру, который диагностировал расстройство личности, «без особой озабоченности», аналогичное диагнозу, поставленному в 1999 году, но не порекомендовал никакого лечения. После этого г-н Маснев не обращался за какой-либо психологической или психиатрической помощью. Более того, 24 июня 2008 года эксперт, который проводил первоначальное вскрытие, обнаружил следы алкоголя в желудке г-на Маснева. Был сделан вывод, что г-н Маснев пережил нервный срыв, усугубленный связанным с работой стрессом, и, частично, напряженными отношениями в семье, и что перед смертью он, возможно, впал в состояние острого аффекта и посчитал свое положение безнадежным.

15. Медицинская экспертиза, назначенная 24 марта 2009 года и завершенная 23 апреля 2009 года, установила, что рана на предплечье г-на Маснева является тяжким телесным повреждением, которое могло быть нанесено им самим себе ножом, в то время как другие повреждения были незначительными и были нанесены тупыми предметами, не исключая падения, вызванного предсмертными конвульсиями. Экспертиза также установила, что все травмы были нанесены примерно 17 октября 2003 года.

16. Другая медицинская экспертиза, назначенная 30 июня 2009 года и завершенная 24 июля 2009 года, пришла к выводу о невозможности установить точное время смерти г-на Маснева.

17. Комбинированная экспертиза отпечатков пальцев и следов, назначенная 10 июля 2009 года и проведенная экспертом Управления милиции 1 октября 2009 года, установила, что отпечатки пальцев на бутылках, ноже и других предметах и поверхностях на месте происшествия либо принадлежат г-ну Масневу, либо не могут быть идентифицированы, а два отпечатка пальцев на дверной раме пригодны для идентификации, но не принадлежат г-ну Масневу.

18. Судебно-медицинская экспертиза, назначенная 27 июля 2009 года и завершенная 16 декабря 2009 года, в ходе которой были исследованы чашки, вилки, ложки и обувь, взятые из кабинета, не исключила, что следы на них были оставлены г-ном Масневым.

19. Комбинированная медицинская и судебно-медицинская экспертиза, назначенная 8 февраля 2010 года и завершенная в неустановленный день, постановила, что г-н Маснев передвигался без посторонней помощи после получения травм, и что рана на левом предплечье могла быть нанесена им самому себе.

20. Дополнительное медицинское обследование группой экспертов, назначенное 3 марта 2010 года и завершенное в неустановленный день, постановило, что у г-на Маснева не выявлено травм, которые он мог бы получить в результате борьбы, и не обнаружило свидетельств того, что кто-то, кроме г-на Маснева, мог нанести ему рану на левом предплечье.

21. Цитологическая экспертиза, назначенная 29 марта 2010 года, не исключила, что органические вещества, обнаруженные на пальцах г-на Маснева принадлежали ему. Иммунологическая экспертиза, назначенная 31 марта 2010 года, показала, что кровь на обоях в кабинете могла принадлежать г-ну Масневу.

В. Внутреннее расследование смерти сына заявительницы

22. Вскоре после этих событий, два сотрудника милиции получили приказ провести внутреннее расследование обстоятельств смерти г-на Маснева. 21 октября 2003 года они пришли к выводу, до получения результатов прокурорского расследования, что г-н Маснев покончил жизнь самоубийством.

С. Дознание и расследование смерти сына заявительницы

23. 27 октября 2003 года следователь прокуратуры г. Ковеля не обнаружил состава преступления в смерти господина Маснева, постановив, что последний покончил жизнь самоубийством, и отказался открыть уголовное дело. С этой даты до июля 2008 года следователи прокуратуры Ковеля, Луцка и Горохова приняли двадцать

одно аналогичное решение, в двенадцати из которых, среди прочего, они опирались на выводы внутреннего расследования.

24. После жалобы заявительницы эти решения были отменены вышестоящими прокурорами или судами, которые постановили, что дознание не соответствовало требованиям полного, объективного и детального рассмотрения дела. Они отметили, в частности, что следователи ограничивали дознание рассмотрением только одной версии событий, что они не установили, находились ли в кабинете другие лица перед смертью г-на Маснева, что они не выявили лицо или лиц, отпечатки пальцев которых были обнаружены в кабинете, что они не установили происхождение некоторых предметов, найденных в кабинете, что они не определили характера задания г-на Маснева, и, не имея для этого никаких оснований в материалах дела, пришли к выводу, что г-н Маснев покончил жизнь самоубийством из-за семейных проблем.

25. Материалы, касающиеся смерти г-на Маснева, были засекречены и оставались секретными до 18 августа 2005 года. В этот день экспертная комиссия по вопросам государственной тайны Волынской областной прокуратуры (далее – «областная прокуратура») изъяла документы, касающиеся специального оборудования в кабинете, из материалов дела и рассекретила оставшуюся часть материалов. Комиссия заявила, что материалы были засекречены на том основании, что в них содержались упомянутые документы.

26. 4 июля 2008 областная прокуратура возбудила уголовное дело, посчитав, что имеются основания для обоснованного подозрения, что г-н Маснев был доведен до самоубийства.

27. 20 октября 2009 года, после ряда отказов, заявительница была признана потерпевшей в рамках уголовного судопроизводства.

28. 28 мая 2010 года прокуратура отказалась открыть уголовное дело в отношении предполагаемого умышленного убийства г-на Маснева, заключив, что он покончил жизнь самоубийством. 31 мая 2010 года прокуратура прекратила уголовное дело, не найдя также доказательств того, что г-н Маснев был доведен до самоубийства. Эти решения основывались на информации, полученной в ходе примерно тридцати допросов, в том числе допросов экспертов и родственников г-на Маснева, двух обследований места преступления, одного следственного эксперимента на месте преступления и тринадцати экспертиз, в том числе проведенных экспертами отделения милиции и Управления милиции.

29. На основании показаний дежурного и слесаря, который взламывал дверь в комнату, было установлено, что дверь была заперта изнутри, когда ее взломали. При допросе прокуратурой двух непосредственных руководителей г-на Маснева было выяснено, что никто, включая его коллег, не угрожал г-ну Масневу 15 октября 2003

года. Другой коллега сделал аналогичное заявление, и уточнил, что никто не мог войти в комнату без разрешения г-на Маснева, а вход в отделение милиции всегда охранялся. Даже если г-н Маснев имел какую-либо конфиденциальную информацию, он не стал бы скрывать эту информацию, а передал бы ее человеку, отдавшему приказ о наблюдении, так что не было никакой причины убивать его.

30. Другие два прямых руководителя заявили, что Б. был переведен из Ковеля для помощи в оперативной работе в другом городе. Во время допроса Б. заявил, что он не заметил ничего необычного в связи с г-ном Масневым перед своим отъездом из Ковеля. Один из руководителей добавил, что в кабинет 505 могли входить только дежурные сотрудники и те, кто отдал приказ о наблюдении. При исследовании оборудования, находящегося в кабинете, и информации, полученной г-ном Масневым, не было найдено никаких сведений, представляющих угрозу для его жизни.

31. Дополнительное обследование места преступления, проведенное в неуказанный день, не выявило никаких подозрительных повреждений окон кабинета. Два отпечатка пальцев, пригодные для идентификации и не принадлежащие г-ну Масневу, которые были найдены на внутренней части дверной коробки, были проверены по региональной базе данных без каких-либо положительных результатов.

32. Двенадцать сотрудников полиции, которые занимали кабинеты, прилегающие к кабинету 505, показали, что 17 октября 2003 года они не слышали никаких подозрительных звуков в кабинете или возле него. Пять сотрудников, знакомые с г-ном Масневым, заявили, что они не знают ни о каких конфликтах, связанных с ним, или об угрозах его жизни. Некоторые руководители г-на Маснева и его коллеги показали, что у него были натянутые отношения с женой, но прокуратура пришла к выводу, что эти отношения не были причиной самоубийства. В решениях не упоминалось, был ли г-н Маснев трезв перед смертью, и не объяснялось нахождение в кабинете двух бутылок от алкогольных напитков и окурков, при этом они не содержали никаких упоминаний об инциденте между П. и г-ном Масневым в 2000 году. В решениях не было заключения, находился ли кто-нибудь в кабинете перед смертью г-на Маснева, а также упоминаний, против кого было направлено его задание.

33. По данным Правительства, г-н Маснев никогда не упоминал, что его жизнь находится под угрозой.

34. Согласно последним утверждениям заявительницы, сделанным 7 июля 2010 года, она не оспаривала решения прокуратуры от 28 и 31 мая 2010 в национальных органах.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Уголовный кодекс

35. Статья 345 гласит, что угроза смерти или насилия в отношении сотрудника правоохранительных органов или преднамеренное причинение ему травм карается лишением свободы на срок до четырнадцати лет. Статья 348 предусматривает, что покушение на убийство или убийство сотрудника правоохранительных органов карается лишением свободы на срок до пятнадцати лет или пожизненно.

Уголовно-процессуальный кодекс

36. Статья 28 предусматривает право лица, понесшего материальный ущерб в результате совершения преступления, на подачу гражданского иска против обвиняемого или тех, кто несет ответственность за его действия, который должен быть рассмотрен судом одновременно с уголовным делом.

Статья 49 определяет потерпевшего как лицо, которому причинен ущерб в результате преступления. Кроме того, она гласит, что потерпевшая сторона имеет право давать показания, представлять доказательства, запрашивать и изучать все материалы дела после завершения досудебного следствия, а также подавать жалобы на действия дознавателя, следователя и прокурора. В случаях, когда преступление вызвало смерть потерпевшего, ближайшие родственники умершего имеют все права потерпевшей стороны.

37. В соответствии со статьей 190, обследование места преступления может быть проведено до возбуждения уголовного дела, но последнее должно быть возбуждено сразу же после обследования, если для этого имеются основания.

Защита сотрудников правоохранительных органов

38. Статья 21 закона «О милиции» от 20 декабря 1990 гласила, в рассматриваемый период времени, что личная безопасность сотрудников милиции обеспечивается государством. Закон о защите сотрудников суда и правоохранительных органов от 2 марта 1994 предусматривал в то время, что сотрудники судов и правоохранительных органов, включая милицию, имеют право пользоваться для своей защиты боевыми приемами и оружием, либо требовать и получать помощь и защиту, подразумевающие ряд специальных мер. Специальные меры включают назначение

телохранителей, выдачу огнестрельного оружия или специального оборудования, тайное наблюдение, временный переезд в убежище, перевод на другую работу или переселение в другое место. Эти меры распространяются на заинтересованное лицо или, по его запросу, на его ближайших родственников. Орган, получивший запрос, должен рассмотреть его в течение трех дней и принять обоснованное решение.

Закон об оперативно-розыскной работе от 18 февраля 1992, с поправками

39. В соответствии со статьей 1, оперативно-розыскные мероприятия предпринимаются для поиска и регистрации информации о незаконных действиях отдельных лиц или групп, за которые Уголовный кодекс предусматривает ответственность.

40. Раздел 5 гласит, что оперативные сотрудники милиции могут осуществлять оперативно-розыскные мероприятия.

41. Статья 10 указывает, что материалы, собранные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, могут быть использованы в качестве основания для открытия уголовного дела.

42. Статья 12 предусматривает, что при наличии информации, указывающей на угрозу жизни оперативного сотрудника в связи с проведением им оперативно-розыскных мероприятий, его подразделение обязано принять специальные меры для обеспечения его безопасности, такие, например, как изменение его личных данных, места жительства, места работы или учебы.

43. Прочее соответствующее национальное законодательство приведено и обобщено в решениях по делам *Gongadze v. Ukraine* (no. 34056/02, §§ 147-149, ECHR 2005-XI) и *Sergey Shevchenko v. Ukraine* (no. 32478/02, §§ 36-39, 4 April 2006).

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

44. Заявительница жаловалась, что власти не смогли защитить жизнь ее сына и провести эффективное расследование его смерти, как это предусмотрено статьей 2 Конвенции, которая, в частности, гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом...»

А. Процессуальный аспект статьи 2 Конвенции

1. Приемлемость

45. Правительство утверждало, что заявительница не оспаривала решение прокуратуры от 31 мая 2010 года (см. пункт 34 выше).

46. Суд полагает, что возражение Правительства поднимает вопросы, касающиеся эффективности расследования, которые тесно связаны с существом жалоб заявительницы. Таким образом, Суд решает присоединить это возражение к существу дела и считает, что этот вопрос должен быть рассмотрен ниже.

2. Существо дела

47. Заявительница утверждала, что милиция и прокуратура провели одностороннее и поверхностное расследование по факту смерти ее сына. В частности, власти не расследовали возможность того, что он умер насильственной смертью, и не смогли обеспечить сохранность некоторых доказательств, которые были утрачены. Расследование, которое было прекращено 31 мая 2010 года, также не учло тот факт, что перед смертью ее сын был трезв. По ее словам, возобновление расследования стало еще одним свидетельством его неэффективности и отсутствия оперативности.

48. Правительство заявило, что повторное предварительное дознание привело к отказу в возбуждении уголовного дела, так как было установлено, что г-н Маснев покончил жизнь самоубийством. По их словам, было невозможно установить все обстоятельства его самоубийства, и прокуратура возбудила уголовное дело в июле 2008 года и закрыла его в мае 2010 года. Во время расследования было предпринято множество шагов для установления обстоятельств самоубийства г-на Маснева. Правительство пришло к выводу, что государственные органы приняли все необходимые меры для установления обстоятельств смерти.

49. Суд повторяет, что в случае смерти при обстоятельствах, потенциально влекущих ответственность государства, статья 2 предусматривает обязанность государства обеспечить, всеми имеющимися в его распоряжении средствами, адекватную реакцию – судебную или иную – так, чтобы законодательство и административная система, созданные для защиты права на жизнь, применялись надлежащим образом, и любое нарушение этого права было наказано (см. *Öneryıldız*, § 91, и *Sergey Shevchenko*, § 63, оба упомянуты выше). Процедурные обязательства, предусмотренные статьей 2, являются не обязательствами результата, а обязательствами действия (см. *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 113, ECHR 2001-III). Расследование не будет эффективным, если все

доказательства не были должным образом проанализированы, и выводы не были согласованы и обоснованы (см. *Nachova and Others v. Bulgaria*, nos. 43577/98 и 43579/98, § 131, 26 February 2004).

50. Другие важные принципы, определенные в прецедентном праве Суда в отношении процедурного аспекта статьи 2, приведены в делах *Sergey Shevchenko* (см. выше, §§ 64-65); *Mikhalkova and Others v. Ukraine* (no. 10919/05, §§ 42-43, 13 January 2011); и *Merkulova v. Ukraine* (no. 21454/04, § 51, 3 March 2011).

51. Суд также подчеркивает, что попытка установить факты по этому делу самостоятельно, дублируя работу местных властей, которые имеют больше возможностей для этого (см. *McShane v. the United Kingdom*, no. 43290/98, § 103, 28 May 2002), была бы неуместной и противоречила бы его вспомогательной роли в соответствии с Конвенцией. Согласно практике Суда, он ограничит рассмотрение этого заявления оценкой внутреннего расследования дела в отношении его общего соответствия вышеупомянутым нормам (см. *Fedina v. Ukraine*, no. 17185/02, § 63, 2 September 2010).

52. Суд считает, что в данном случае власти имели процедурное обязательство расследовать обстоятельства смерти г-на Маснева, в частности, установить, было ли это самоубийством или убийством.

53. Суд отмечает, что расследование обстоятельств смерти г-на Маснева было начато 17 октября 2003 года и было проведено в кратчайшие сроки. Тем не менее, впоследствии уголовное дело двадцать два раза возобновлялось, и, наконец, было закрыто 31 мая 2010 года (см. пункты 23, 24 и 28 выше). Столько же раз сами власти признавали, что дознание не отвечало требованиям полного, объективного и детального изучения обстоятельств дела (см. пункт 24 выше). Таким образом, расследования, в ходе которого причина смерти сына заявительницы так не была установлена, длилось, в общей сложности, около шести лет и семи месяцев без должного обоснования. Таким образом, Суд считает, что расследованию не хватало инициативы, и что оно не представляло собой «эффективное расследование» по смыслу прецедентного права Суда.

54. Более того, уголовное дело было возбуждено 4 июля 2008 года, то есть примерно через четыре года и восемь месяцев после смерти г-на Маснева. Принимая во внимание соответствующее национальное законодательство, Суд считает, что в течение этого достаточно длительного периода времени прокуратура не рассмотрела спорные обстоятельства смерти и пренебрегла требованиями национального законодательства оперативно начать расследование в таком случае (см. пункт 37 выше). Более того, прокуратура ограничила многочисленные возможные следственные действия изучением места преступления (см. пункт 37 выше).

55. Учитывая решения, принятые прокуратурой 28 и 31 мая 2010 года, с выводами которых заявительница не согласна, Суд отмечает, что прокуратура пыталась устранить определенные недостатки, допущенные в ходе предыдущего расследования, изучив другие возможные версии смерти г-на Маснева и проанализировав различные доказательства, среди которых, в отсутствие каких-либо уточнений со стороны заявительницы, Суд не нашел признаков утери каких-либо доказательств. Однако расследование и последняя часть дознания проигнорировали следующие вопросы: присутствовали ли в кабинете перед смертью г-на Маснева другие лица, каково происхождение бутылок от алкогольных напитков и окурков в кабинете, и каков был характер задания г-на Маснева (см. пункт 32 выше). Более того, в последних решениях прокуратуры не упоминается инцидент между П. и г-ном Масневым в 2000 году (см. пункт 32 выше). Эти вопросы, имеющие отношение к оценке заявительницей адекватности реакции властей на смерть г-на Маснева, неоднократно поднимались ей, но остались нерешенными.

56. Кроме того, Суд отмечает, что материалы расследования были засекречены в течение примерно двадцати двух месяцев, и заявительница была признана потерпевшей стороной в уголовном деле только примерно через шесть лет после смерти г-на Маснева (см. пункты 26 и 28 выше). Она не отрицает, что в это время она получала отказы следователя в возбуждении уголовного дела, которые она обжаловала должным образом. Однако в соответствии с внутренним законодательством ей не позволяли ознакомиться с материалами расследования (см. пункт 36 выше) до того, как расследование было прекращено 31 мая 2010 года. Суд уже установил, что такая ситуация отрицательно влияет на возможность эффективно участвовать в разбирательстве (см. *Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine*, no. 1727/04, §§ 71-73 24 June 2010). Таким образом, запоздалое признание процессуального статуса заявительницы и отсутствие во внутреннем законодательстве процедуры доступа потерпевшего к материалам дела на досудебных стадиях ограничило элемент общественного контроля над следствием и дознанием.

57. Что касается доказательств, собранных прокуратурой, Суд отмечает, что были назначены и проведены по крайней мере четырнадцать экспертиз, что, при иных обстоятельствах, могло бы указывать на то, что власти попытались провести тщательное расследование. Тем не менее, девять из этих экспертиз были назначены и проведены через пять-шесть лет после события (см. пункты 14-21 выше), в то время как экспертиза ножа, который якобы был причиной смерти г-на Маснева, была назначена примерно с пятилетним опозданием (см. пункт 13 выше). В отсутствие каких-либо указаний, почему эти мероприятия были назначены с таким

опозданием, Суд не может не отметить недостаток оперативности в этом отношении. Более того, две экспертизы (см. пункты 10 и 17 выше) были проведены специалистами отделения милиции и Управления милиции, и их не нельзя считать беспристрастными. Однако на выводах этих экспертиз основывались окончательные решения прокуратуры (см. пункт 28 выше), что подрывает обоснованность результатов следствия и дознания. Суд усматривает аналогичную проблему в связи с расследованием, которое, хотя и проводилось независимым органом, в двенадцати случаях частично опиралось на выводы внутреннего расследования (см. пункт 24 выше). Таким образом, снова было нарушено требование независимости расследования.

58. Принимая во внимание все сказанное выше, государство не выполнило свое обязательство провести эффективное расследование смерти сына заявительницы.

59. Следовательно, в настоящем случае имело место нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции.

В. Материальный аспект статьи 2 Конвенции

1. Приемлемость

60. Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

61. Заявительница утверждала, что ее сын был сотрудником милиции, которому было поручено строго конфиденциальное задание, и лишился жизни в результате того, что Правительство не обеспечило его безопасность при исполнении служебных обязанностей. По ее словам, перед смертью он занимался расследованием коррупции в милиции. Соответственно, его жизнь должна была быть эффективно защищена соответствующими законами и механизмами, включая охрану кабинета, где он был найден мертвым. Заявительница, не соглашаясь с выводами дознания и следствия, пришла к выводу, что присутствие неизвестных лиц в помещении в момент смерти ее сына, вытекающее из того, что кто-то принес в кабинет посторонние предметы, и травмы, нанесенные ему этими лицами, стали причиной его насильственной смерти.

62. Правительство утверждало, что обязанности, которые исполнял г-н Маснев, были чисто техническими, и что это задание не подвергало его жизнь угрозе со стороны третьих лиц. Кроме того, он никогда не

утверждал, что его жизнь подвергается опасности. Хотя в 2001 году у него были выявлены определенные проблемы, связанные с психическим здоровьем, они исчезли в течение следующих лет. Поэтому Правительство убеждено, что руководство г-на Маснева не могло предвидеть, что его личностные качества, в контексте специфики его работы, могут привести к его самоубийству. Они также не могли предугадать возможное влияние напряженных отношений в семье г-на Маснева на его поведение, так как они узнали об этих отношениях только после его смерти. В итоге, власти не могли предпринять какие-либо шаги, чтобы предотвратить угрозу жизни г-на Маснева, и настоящее дело никак не связано с позитивным обязательством государства защищать жизнь г-на Маснева.

63. Суд повторяет, что первое предложение статьи 2 § 1 Конвенции обязывает государство не только воздерживаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но и принимать надлежащие меры для защиты жизни тех, кто находится в рамках его юрисдикции (см. *L.C.B. v. the United Kingdom*, 9 June 1998, § 36, *Reports* 1998-III).

64. Позитивное обязательство принимать все необходимые меры для защиты жизни для целей статьи 2 влечет за собой, прежде всего, первоочередное обязательство государства ввести законодательные и административные нормы для обеспечения эффективного противостояния угрозе праву на жизнь. Это обязательство бесспорно относится, в частности, к опасным видам деятельности, когда особое внимание должно уделяться нормам, направленным на особенности такой деятельности, с учетом уровня потенциального риска для человеческой жизни (см. *Öneriyildiz v. Turkey* [GC], no. 48939/99, §§ 89-90, ECHR 2004-XII). Кроме того, позитивное обязательство властей, в соответствующих обстоятельствах, включает в себя принятие превентивных оперативных мер для защиты лица или лиц, чья жизнь подвергается опасности в связи с преступными действиями других лиц (см. *Gongadze*, упомянутое выше, § 164).

65. Тем не менее, сфера действия этого позитивного обязательства должна интерпретироваться таким образом, чтобы не возлагать на власти невозможные или непропорциональные задачи. Соответственно, не каждый возможный риск для жизни влечет за собой требование Конвенции к властям принять оперативные меры для предотвращения осуществления этого риска. Для возникновения позитивного обязательства должно быть установлено, что власти знали или должны были знать в то время о существовании реальной и непосредственной опасности для жизни определенного лица в связи с преступными действиями третьих лиц, и что они не приняли возможные разумные меры для устранения этого риска (см. *Keenan v. the United Kingdom*, no. 27229/95, § 90, ECHR 2001-III, и *Osman v. the United Kingdom*, 28 October 1998, § 116, *Reports* 1998-VIII).

66. Стандарт доказывания для целей Конвенции – доказательство «вне разумного сомнения»; такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и совпадающих выводов или подобных неопровержимых презумпций факта (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 161, Series A no. 25). Если имело место внутреннее судебное разбирательство, в задачи Суда не входит оценка фактов вместо национальных судов, и, как правило, именно эти суды должны оценивать представленные им доказательства (см. *Klaas v. Germany*, 22 September 1993, § 29, Series A no. 269).

67. В первую очередь Суд отмечает, что, даже если заявительница не обжаловала последние решения прокуратуры, она неизменно не соглашалась в суде с результатами всех расследований, проведенных властями.

68. В отношении задания, которое выполнял г-н Маснев перед смертью, Правительство не сообщило ничего, что, даже в общих чертах, позволило бы предположить, что его задание, возможно, было направлено против каких-либо лиц, участвующих в преступной деятельности (см. пункт 39 выше), включая сотрудников отделения милиции. Однако тот факт, что он выполнял конфиденциальное задание (см. пункты 6, 40 и 41 выше), которое, возможно, было направлено против сотрудников милиции, находившихся в непосредственной близости от него, может оправдать гипотезу, что его деятельность была опасной.

69. Что касается защиты жизни г-на Маснева, Правительство не уточнило, существовали ли какое-либо нормы, касающиеся обязательств властей в соответствии со статьей 2 Конвенции и связанные с особенностями конфиденциальной деятельности, в которой он принимал участие. Тем не менее, принимая во внимание соответствующие правовые нормы, действовавшие в то время (см. пункты 35, 38 и 42 выше), Суд считает, что существовали правовые положения и административные правила, предусматривающие эффективные средства для защиты его жизни, которые бы позволили ему просить защиты от угроз, связанных с его деятельностью.

70. В отношении возможного самоубийства г-на Маснева, Суд не имеет никаких свидетельств, указывающих на то, что власти должны были предусмотреть такой риск (см. *Jasińska v. Poland*, no. 28326/05, §§ 77-78, 1 June 2010, и *Lütfi Demirci and Others v. Turkey*, no. 28809/05, § 35, 2 March 2010). Таким образом, не найдя сосуществования достаточно сильных, четких и совпадающих выводов или подобных неопровержимых презумпций факта, что государство не смогло защитить жизнь г-на Маснева, Суд, в отсутствие каких-либо внутренних решений, которые бы окончательно устанавливали причины и обстоятельства его смерти (см. пункты 53-58 выше), не

может сделать вывод, вне разумного сомнения, что власти несут ответственность за смерть г-на Маснева согласно этому положению Конвенции.

71. Соответственно, Суд считает, что нарушения материального аспекта статьи 2 Конвенции не было.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

72. Заявительница жаловалась, что, не проведя надлежащего расследования смерти своего сына и проигнорировав ее процессуальные права, милиция и прокуратура причинили ей страдания в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

73. Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

74. Заявительница утверждала, что реакция следственных органов на смерть ее сына представляла собой унижающее достоинство обращение в связи с односторонним и поверхностным характером расследования. В частности, нежелание властей возбудить уголовное дело было необоснованным, как указывается в решениях судов и прокуратуры. Кроме того, она была потрясена необоснованным выводом, что ее сын покончил жизнь самоубийством из-за семейных проблем, что дискредитировало заявительницу и ее семью. Кроме того, прокуратура незаконно засекретила материалы расследования, лишив ее всякой возможности защитить свои права. Таким образом, заявительница отчаялась когда-либо выяснить обстоятельства смерти своего сына и подверглась бесчеловечному обращению, как потерпевшая сторона в судебном разбирательстве.

75. Правительство утверждало, что данное дело по существу отличается от дел *Kurt v. Turkey* (25 May 1998, *Reports* 1998-III); *Orhan v. Turkey* (no. 25656/94, 18 June 2002); *Gongadze* (упомянуто выше) и *Imakayeva v. Russia* (no. 7615/02, ECHR 2006-XIII (выдержки)). В частности, в отличие от дел *Imakayeva* и *Gongadze*, сын заявительницы

не исчез. Более того, следователи никак не скрывали результаты своей работы, оперативно рассматривали просьбы и жалобы заявительницы, и предоставляли ей подробную информацию о расследовании смерти ее сына.

76. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Она запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. *Ireland v. the United Kingdom*, упомянутое выше, § 162). Страдания и унижения должны в любом случае выходить за пределы неизбежных страданий или унижений, связанных с данной формой законного обращения или наказания (см. *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 95, ECHR 2002-VI).

77. Суд признает, что продолжительность расследования и отношение следственных органов к заявителю, а также заявление о признании факта самоубийства, когда, с учетом недостаточного расследования, такое признание было неуместным, возможно, причинили заявительнице значительные страдания. Тем не менее, Суд не может прийти к выводу, что эти страдания достигли порога «унижающего достоинство обращения» по смыслу статьи 3 Конвенции. Он признает, таким образом, что нарушения этого положения не было.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

78. Заявительница жаловалась на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении ее жалобы по статье 2 Конвенции. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Аргументы сторон

79. Правительство отметило, что расследование и уголовное дело представляли собой эффективное внутреннее средство правовой защиты в отношении жалоб заявительницы на нарушение статьи 2 Конвенции. Если она считала их недостаточными, она могла подать, и подала, соответствующие жалобы в прокуратуру и национальные суды. После этих многочисленных жалоб прокуратура и суды отменили оспариваемые решения. Таким образом, Правительство утверждало, что заявительница имела в своем распоряжении доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты в связи с ее жалобами по основному и процедурному аспектам статьи 2 Конвенции, и что она успешно воспользовалась этими средствами защиты.

80. Заявительница утверждала, что всякий раз, когда она указывала на недостатки в расследовании, реакция властей была недостаточной. Вместо того чтобы возбудить уголовное дело для проведения тщательного расследования, власти ограничились многочисленными предварительными дознаниями. Кроме того, она была незаконно лишена, в течение почти двух лет, возможности ознакомиться с материалами следствия. Она также утверждала, что неспособность властей выявить виновного или виновных не позволила ей подать, на национальном уровне, иск о возмещении ущерба, причиненного ей насильственной смертью ее сына.

В. Приемлемость

81. Стороны не стали комментировать вопрос о приемлемости этой жалобы.

82. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

С. Существо дела

83. Суд уже установил, в рамках статьи 2 Конвенции, что власти не выполнили свое обязательство провести эффективное расследование обстоятельств смерти сына заявительницы. В свете этого вывода и при обстоятельствах, когда заявительница не может успешно требовать возмещения нарушения, Суд считает, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос в отношении статьи 13 Конвенции, в сочетании со статьей 2 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

84. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред, расходы и издержки

85. Заявительница потребовала выплатить ей 100000 евро в качестве компенсации нематериального вреда и 9193 гривен в качестве компенсации материального вреда. Она указала, что нематериальный вред был вызван потерей единственного сына, а также пассивностью представителей государства и их противоправными действиями во время расследования, в то время как внутренние средства правовой защиты оказались неэффективными и недоступными. Материальный вред связан с расходами на установку надгробия на могиле ее сына. Заявительница не предъявила никаких требований в отношении расходов и издержек.

86. Правительство считает такую нематериальную компенсацию необоснованной и чрезмерной, требуемой, возможно, с целью необоснованного обогащения. Что касается требования о возмещении материального вреда, Правительство не усматривает причинно-следственной связи между материальным вредом и заявленными нарушениями. Оно также не видит никаких признаков того, что эти расходы были фактически понесены.

87. Суд не усматривает какой-либо причинно-следственной связи между нарушением и материальным вредом, и поэтому отклоняет это требование. Поскольку заявительница не предъявила никаких претензий в отношении расходов и издержек, Суд не принимает никакого решения по этому поводу. С другой стороны, Суд считает, что заявительница испытала тоску и страдания из-за событий, приведших к нахождению нарушения в данном деле. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает выплатить заявительнице 20000 евро в качестве возмещения нематериального вреда.

B. Пеня

88. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* заявление приемлемым;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее процедурном аспекте
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее основном аспекте;
4. *Постановляет*, что нарушения статьи 3 не было;
5. *Постановляет*, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос в соответствии со статьей 13 Конвенции в связи с заявленным нарушением статьи 2;
6. *Постановляет*:
 - (а) государство-ответчик должно выплатить заявительнице, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 20000 (двадцать тысяч) евро в качестве компенсации нематериального вреда, в переводе в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты;
 - (б) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта;
7. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 20 декабря 2011 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента.

Клаудия Вестердийк
Секретарь

Дин Шпильман
Председатель